



ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ПРОСКУРНИКОВ против РОССИИ»

(Жалоба 48364/11)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

1 сентября 2020 года

*Настоящее постановление является окончательным, но может быть
подвергнуто редакционной правке.*



По делу «Проскурников против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Комитетом, в состав которого вошли:

Георгиос А. Сергидес, *Председатель*,

Эрик Уэннерстром,

Лоррен Шембри Орланд, *судьи*, и Ольга

Чернышева, *Заместитель Секретаря Секции*,

Принимая во внимание:

жалобу (№ 48364/11), поданную в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Российской Федерации Геннадием Николаевичем Проскурниковым (далее — «заявитель») 14 ноября 2011 года;

решение об уведомлении Властей Российской Федерации (далее — «Власти») о жалобе по статье 6, касающейся назначения сотрудника милиции в качестве судебного эксперта, объявил остальную часть жалобы неприемлемой;

замечания сторон;

проведя заседание за закрытыми дверями 30 июня 2020 года,

вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ВВЕДЕНИЕ

1. Дело касается предполагаемой несправедливости уголовного судопроизводства в отношении заявителя и, в частности, назначения в качестве независимого эксперта сотрудника милиции, аудиторский отчет которого привел к предъявлению заявителю обвинения, а также того факта, что национальные судебные органы опирались на выводы этого сотрудника милиции.

ФАКТЫ

2. Заявитель, 1958 года рождения, проживает в поселении Пироговском Московской области. Интересы заявителя в суде представлял Г. Журавлев, адвокат, практикующий в г. Москве.

3. Интересы Властей Российской Федерации представлял М. Гальперин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

4. Обстоятельства дела в том виде, в котором они были представлены сторонами, могут быть вкратце изложены следующим образом.

5. 6 мая 2008 года исполняющий обязанности начальника Следственного отдела № 2 Управления по налоговым преступлениям ГУВД Московской области полковник Ш. назначил проверку в отношении городской больницы, в которой заявитель занимал должность главного врача. Он поручил дело подполковнику К., подполковнику Куз. и майору Р. Проверка выявила ряд нарушений,

и заявителю были предъявлены обвинения в двух эпизодах злоупотребления должностными полномочиями и в двух эпизодах нецелевого использования средств государственного бюджета в сумме, превышающей 7 500 000 рублей.

6. 17 марта 2009 года следователь из Следственного отдела УВД Московской области, ответственный за дело заявителя, назначил подполковника К. для проведения судебно-экономической экспертизы с целью определения, *помимо прочего*, ущерба, причиненного в результате нецелевого использования заявителем средств государственного бюджета.

7. 18 июня 2009 года подполковник К. завершила экспертизу. 10 июля 2009 года следователь направил заключение экспертизы заявителю.

8. В неустановленный день Мытищинский городской суд Московской области (далее — «городской суд») начал судебное разбирательство по делу заявителя.

9. 7 октября 2010 года заявитель попросил городской суд исключить заключение судебной экспертизы К. из числа доказательств, утверждая, что К. как сотрудник отдела по налоговым преступлениям УВД Московской области не имела полномочий проводить судебную экспертизу по его делу. Заявитель также ходатайствовал о назначении независимого судебного эксперта. Суд отклонил ходатайство заявителя как необоснованное.

10. 26 октября 2010 года городской суд признал заявителя виновным по предъявленным обвинениям и приговорил его к двум с половиной годам лишения свободы условно с двухлетним испытательным сроком, в течение которого ему было запрещено занимать государственные должности. Суд задал К. вопросы, и допросил врачей, которые работали в больнице, подрядчиков больницы и пациентов, которые платили за получение медицинской помощи. Суд также изучил договоры и финансовые документы, находившиеся в распоряжении больницы. В своих выводах суд опирался на свидетельские показания и финансовые доказательства, включая заключение, подготовленное полковником К. Заявитель настаивал на своей невиновности. Он оспорил выводы судебной экспертизы, утверждая, что полковник К. не могла быть беспристрастной, учитывая, что она принимала участие в первоначальной проверке, в результате которой ему были предъявлены обвинения.

11.3 февраля 2011 года Московский областной суд оставил обвинительный приговор заявителя без изменений в порядке апелляции, но отменил запрет на занятие государственной должности. Суд постановил, что суд первой инстанции правильно установил вину заявителя и сослался на доказательства, принятые и исследованные судом первой инстанции, включая заключение, подготовленное полковником К.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

12. Заявитель жаловался на то, что в нарушение требования справедливого судебного разбирательства, изложенного в статье 6 Конвенции, суд первой инстанции отказался назначить независимого судебного эксперта и опирался на заключение сотрудника милиции, который ранее принимал участие в аудиторской проверке, приведшей к вынесению заявителю обвинительного приговора. Статья 6 Конвенции в соответствующей части гласит следующее:

«При предъявлении... ему какого-либо уголовного обвинения, каждый имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом...».

A. Приемлемость жалобы

13. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной или неприемлемой по каким-либо другим основаниям, перечисленным в статье 35 Конвенции. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

B. Существо жалобы

1. Доводы сторон

14. Заявитель настаивал на своей жалобе. Он утверждал, что подполковник К. не могла быть беспристрастным или независимым судебным экспертом; она являлась сотрудницей милиции, первоначальные выводы которой послужили поводом для возбуждения уголовного дела в его отношении. Более того, она не могла опровергнуть свои собственные первоначальные выводы после того, как приступила к выполнению своих функций в качестве судебного эксперта. Он также утверждал, что следователь не предоставил ему возможность задать назначенному эксперту вопросы до того, как эксперт подготовила заключение. Заявитель также утверждал, что выводы К. имели решающее значение для его осуждения. Отказ суда первой инстанции назначить проведение судебной экспертизы независимым экспертом по причине нецелесообразности нанес ущерб равноправию сторон. В результате разбирательство по его уголовному делу не носило состязательный характер.

15. Власти утверждали, что разбирательство по уголовному делу заявителя было справедливым и что принцип равноправия сторон был соблюден. По их мнению, выводы судебного эксперта не были решающими для национальных судов, которые также приняли во внимание большое количество свидетельских показаний и других документов. Заявитель и его адвокат имели доступ к рассматриваемому заключению судебной экспертизы. Они могли представить альтернативное заключение эксперта или попросить суд обеспечить явку свидетелей-экспертов со стороны заявителя. В любом случае

у заявителя было достаточно возможностей оспорить выводы назначенного судебного эксперта.

2. Оценка Суда

16. Суд повторяет, что основополагающим аспектом права на справедливое судебное разбирательство является то, что уголовное судопроизводство должно быть состязательным и что должно быть равноправие сторон обвинения и защиты, что требует «справедливого баланса» между ними: каждой стороне должна быть предоставлена достаточная возможность изложить свою позицию на условиях, которые не ставят их в невыгодное положение по сравнению с противной стороной (см., среди многих других источников, постановление Большой Палаты по делу «Кресс против Франции» (Kress v. France), жалоба № 39594/98, пункт 72, ECHR 2001-VI). Совершенно очевидно, что подсудимый может иметь сомнения относительно беспристрастности эксперта, если именно его заключение фактически способствовало началу уголовного преследования (см. постановление Суда от 6 мая 1985 года по делу «Бониш против Австрии» (Bonisch v. Austria), пункт 32, Серия А № 92). Такие опасения могут иметь определенную важность, но не являются решающими. Решающим является вопрос о том, можно ли считать сомнения объективно обоснованными (см. постановление Суда от 28 августа 1991 года по делу «Брандстеттер против Австрии» (Brandstetter v. Austria), пункт 44, Серия А, № 211).

17. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд, прежде всего, отмечает, что заключение судебной экспертизы, подготовленное подполковником милиции К., непосредственно касалось состава преступления, в котором обвинялся заявитель. Эксперт должен был определить ущерб, причиненный якобы несанкционированным использованием заявителем средств государственного бюджета. Ее выводы были использованы судом первой инстанции при вынесении обвинительного приговора по делу заявителя. Апелляционный суд также сослался на эти выводы, оставив обвинительный приговор заявителя в силе. Таким образом, Суд отклоняет довод Властей о том, что заключение не имело решающего значения при вынесении обвинительного приговора, и приступит к рассмотрению вопроса о том, находился ли заявитель в равных условиях со стороной обвинения в соответствии с принципом равноправия сторон.

18. Изучив представленные сторонами материалы, Суд считает, что в настоящем деле принцип равноправия сторон не был соблюден. По его мнению, сомнения заявителя в беспристрастности К. были объективно оправданы.

19. В этой связи Суд принимает во внимание, что К. не была назначенным судом судебным экспертом *stricto sensu*. Она была сотрудником правоохранительных органов, проводившим проверку профессиональной деятельности заявителя, и именно ее выводы послужили основанием для предъявлению заявителю обвинений.

По инициативе следователя К. также подготовила заключение судебной экспертизы, которое было использовано органами прокуратуры в качестве доказательства вины заявителя. Заявитель не мог оспорить назначение К. следователем, сформулировать вопросы, которые должны быть заданы непосредственно ей, или предложить другого эксперта. При таких обстоятельствах Суд не может не прийти к выводу о том, что отчет, подготовленный К., был больше похож на доказательства вины заявителя, которые использовались органами прокуратуры, а не на «нейтральное» или «независимое» экспертное заключение (аналогичное обоснование см. в постановлении Суда от 5 апреля 2007 года по делу «Стойменов против бывшей югославской Республики Македония» (*Stoimenov v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 17995/02, пункты 39-40).

20. Суд также отмечает, что заявитель пытался получить альтернативное заключение судебной экспертизы в ходе судебного разбирательства, но безуспешно. Суд первой инстанции попросту отклонил его ходатайство, отметив, что назначение еще одной судебной экспертизы представляется нецелесообразным. Суд апелляционной инстанции не сделал ничего для исправления этого упущения со стороны суда первой инстанции. При рассмотрении дела заявителя он просто повторил выводы о том, что вина заявителя была установлена на основании доказательств, в том числе заключения, подготовленного К. Даже если, как утверждали Власти, суд первой инстанции допросил К. в присутствии заявителя, и заявитель имел возможность задать ей вопросы, Суд считает, что этой меры недостаточно для вывода о том, что заявителю была предоставлена возможность изложить свою позицию по делу в условиях, которые не ставили его в невыгодное положение по сравнению со стороной обвинения.

21. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд считает, что разбирательство в отношении заявителя в целом было несправедливым. Заявитель не мог оспорить заключение судебной экспертизы, представленное стороной обвинения. В результате он был лишен возможности представить аргументы в свою защиту на тех же условиях, что и сторона обвинения. Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение требований пункта 1 статьи 6 Конвенции.

II. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

22. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Повреждения

23. Заявитель требовал 9 400 281 рублей в качестве компенсации

материального ущерба (потеря дохода), а также 2 000 000 рублей в качестве компенсации морального вреда. Он утверждал, что в результате осуждения он потерял работу и испытал душевные страдания.

24. Власти утверждали, что, если Суд решит присудить заявителю справедливую компенсацию, то он должен сделать это в соответствии со своей прецедентной практикой.

25. Суд не усматривает какой-либо причинной связи между установленным нарушением и заявленным материальным ущербом; следовательно, Суд отклоняет данное требование. Что касается требования заявителя о компенсации морального вреда, то Суд не видит необходимости в присуждении компенсации в обстоятельствах настоящего дела (сравните с постановлением Суда от 16 декабря 2014 года по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (*Ibrahim and Others v. the United Kingdom*), жалобы №№ 50541/08, 50571/08, 50573/08 и 40351/09, пункт 315). Далее Суд обращается к своей прочно сложившейся прецедентной практике, согласно которой в случае нарушений прав заявителя, гарантированных статьей 6 Конвенции, необходимо, чтобы заявитель был поставлен, насколько это возможно, в такие условия, как если бы требования вышеуказанного положения нарушены не были, и в принципе, наиболее подходящей формой компенсации было бы повторное судебное разбирательство, если заявитель о таковом ходатайствует (см., *mutatis mutandis*, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции» (*Öcalan v. Turkey*), жалоба № 46221/99, пункт 210 *in fine*, ECHR 2005-IV, и постановление Суда от 13 июля 2006 года по делу «Попов против России» (*Popov v. Russia*), жалоба № 26853/04, пункт 263). В данной связи Суд отмечает, что статья 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает, что производство на национальном уровне может быть возобновлено, если Судом установлено нарушение Конвенции. Следовательно, он считает, что установление нарушения является достаточной справедливой компенсацией и ничего не присуждает по данному пункту.

Б. Расходы и издержки

26. Заявитель требовал 450 000 рублей в качестве возмещения расходов и издержек. Что касается разбирательств на национальном уровне, то он представил копии соответствующих квитанций на общую сумму 20 000 рублей в отношении разбирательств на национальном уровне и 87 320 рублей в отношении разбирательства в Суде. Наконец, он потребовал 2 720 рублей в качестве компенсации расходов на перевод.

27. Власти утверждали, что, если Суд решит присудить заявителю справедливую компенсацию, то он должен сделать это в соответствии со своей прецедентной практикой.

28. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда,

заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой было доказано, что такие расходы и издержки действительно были понесены, были необходимыми и разумными с точки зрения их размера. Принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и указанные выше критерии Суд считает целесообразным присудить 1 500 евро в качестве возмещения всех судебных расходов и издержек плюс любые налоги, которыми может облагаться данная сумма.

НА ОСНОВАНИИ ВЫШЕИЗЛОЖЕННОГО СУД
ЕДИНОГЛАСНО

1. *признал* данную жалобу приемлемой;
2. *постановил*, что в настоящем деле было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
3. *постановил*, что установление факта нарушения само по себе является достаточной справедливой компенсацией причиненного заявителю морального вреда;
4. *постановил*,
 - (a) что Власти государства-ответчика обязаны в течение трех месяцев выплатить заявителю 1 500 (одну тысячу пятьсот) евро в качестве возмещения всех расходов и издержек, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты, плюс любые налоги, которыми может облагаться эта сумма;
 - (b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на вышеуказанные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта;
5. *отклонил* остальную часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 1 сентября 2020 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Ольга Чернышова
Заместитель Секретаря секции

Георгиос А. Сергидес
Председатель